

А

Е. А. Бѣловъ.

РУССКАЯ ИСТОРИЯ

до

РЕФОРМЫ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Издание Л. Ф. Пантелеева.
1895.

А

А

2007065944

Типографія М. Меркушева, бывш. Н. Лебедева, Невский просп., № 8.

А

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Прежде чѣмъ буду говорить о цѣли этой книги, издаваемой для образованныхъ читателей, скажу нѣсколько словъ о своемъ взглядаѣ на древнюю русскую исторію до Петра В.

Я долженъ предупредить читателей, что придерживаюсь мнѣнія покойнаго историка-юриста К. Д. Кавелина, что центральная фігура древней нашей исторіи—Іоаннъ Грозный.

О значеніи этой исторической личности я высказалъ свои мнѣнія въ статьяхъ: «Объ историческомъ значеніи русского боярства» (Ж. М. Н. П. 1886 г. №№ 1, 2, 3) и «Предварительныя замѣчанія къ исторіи Ивана Васильевича Грознаго». (Ж. М. Н. П. 1887 г. №№ 1 и 2).

Отвѣтомъ на многія изъ возраженій, вызванныхъ моими статьями, можетъ считаться эта книга постольку, поскольку эти возраженія касаются моихъ воззрѣній на Іоанна Грознаго, какъ политического дѣятеля. Отвѣты эти заключаются въ объективномъ, на сколько возможно, изложеніи фактovъ. Среди возраженій на мои статьи, искренностью своею и отсутствиемъ задней мысли, выдѣляется книга Н. К. Михайловскаго—«Іванъ Грозный въ русской литературѣ». Минь кажется, что если онъ станетъ на политическую точку зрењія, то недоумѣнія его разрѣшатся сами собой.

Въ послѣднее время все чаще и чаще въ область исторіи стала вторгаться психіатрія, чего нельзя оставить безъ вниманія. По русской исторіи первый опытъ психіатрическаго эскиза сдѣланъ проф. Ковалевскимъ, подъ заглавіемъ «Іоаннъ Грозный и его душевное состояніе».

Проф. Ковалевский не въ первый разъ выступаетъ съ психиатрическими эскизами историческихъ личностей. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ подъ его редакціей изданъ переводъ книги доктора Айреланда — «Психозы въ исторії». Въ предисловіи къ переводу проф. Ковалевский говоритъ: «Пониманіе нѣкоторыхъ историческихъ событий весьма много облегчается при примененіи къ нимъ психиатрической точки зрения». Съ этимъ можно было бы согласиться, если бы психиатрами соблюдалось основное правило, при которомъ только и могутъ труды ихъ надъ историческими темами принести пользу, а именно: чтобы только твердо-установленные психиатрией законы примѣнялись къ неоспоримымъ же историческимъ фактамъ, притомъ же не отрывочно, а въ связи съ добывшими уже историческою наукою выводами. Между тѣмъ психиатрами, когда они берутся за историческія темы, это основное правило нарушается то и дѣло.

Чтобы не быть голословными, приведемъ нѣсколько примѣровъ изъ вышеупомянутой книги доктора Айреланда. О Великомъ Юліи Цезарѣ у Айреланда говорится, что въ послѣдніе годы своей жизни онъ имѣлъ нѣсколько эпилептифорныхъ припадковъ, «но это могло быть», говоритъ Айреландъ, «следствиемъ его беспокойной, энергической жизни, его напряженного положенія и половыхъ экскрессовъ». (Стр. 75). Во-первыхъ, несправедливо, что припадки съ нимъ случались въ послѣдніе годы — въ первый разъ съ Юліемъ Цезаремъ припадокъ случился въ 46 году до Р. Х., за годъ до его насильственной смерти. Это произошло во время битвы при Тапсѣ, подъ тяжестью, превышающей человѣческія силы, горя, когда онъ не могъ остановить, всегда дотолѣ послушные ему, легіоны, отъ окончательного истребленія войскъ аристократической партіи. При Тапсѣ Цезарь увидѣлъ несогласимость своихъ стремленій — стоять во главѣ демократической партіи и щадить аристократію. Онъ видѣлъ передъ собой дилемму — или истреблять враговъ, или допустить истребить свою партію. Вотъ эту, главную причину — нравственное потрясеніе, Айреландъ упустилъ изъ виду. Другой примѣръ: какое вліяніе здоровье старика Цезаря могло имѣть на Августа, приходившагося ему внучатымъ племянникомъ, немощи которого Айреландъ, хотя и весьма нерѣшительно, приписываетъ родству съ Цезаремъ?

Замѣтимъ, что для объясненія тиранніи Цезарей (Тиверія,

Каллигулы, Клавдія, Нерона), тираннію которыхъ вышеупомянутый авторъ также объясняетъ нервнымъ разстройствомъ, есть много фактовъ и безъ басенъ Светонія и другихъ анекдотистовъ. Прежде всего нужно имѣть въ виду нравственное состояніе римского общества, въ первомъ столѣтіи до Р. Х. и въ первомъ столѣтіи по Р. Х., и борьбу разныхъ вѣрованій, которая тогда проникли въ Римъ. Надо помнить, какую ненависть аристократія возбудила въ латинскомъ элементѣ Италии со временемъ Суллы. Когда убить былъ Каллигула, «этотъ», по выражению Ренана, «колossalный буффонъ», то народъ въ Римѣ оставался равнодушенъ; но когда убийцы провозгласили власть сената, то преторіанцы, тогда состоявшіе еще исключительно изъ латинского элемента, вытащили Клавдія изъ какого-то угла, куда онъ спрятался, и провозгласили его императоромъ. Вотъ гдѣ надо искать источника событий въ эпоху Цезарева Дома. Борьба разнообразныхъ вѣрованій, на которую мы указали выше, не могла пройти безъ слѣдовъ. Неронъ, у кото-раго воображеніе всегда брало перевѣсъ надъ умомъ, сдѣлался жертвою этой борьбы. По своей природѣ, онъ былъ до фанатизма враждебенъ вѣрованьямъ и богамъ, которые шли изъ Палестины и Египта. Жизнерадостный эллинизмъ овладѣлъ всей его натурой и въ то время, какъ онъ тиранилъ Римъ, онъ всячески ласкалъ грековъ. Неуравновѣшенный умъ повелъ его къ весьма страннымъ поступкамъ: изъ любви къ эллинизму онъ публично шѣль на сценѣ и т. д. Если въ Неронѣ было помѣшательство, то оно происходило, главнымъ образомъ, изъ того вихря противоположныхъ идей, которые тогда охватили Римъ. Наслѣдственный же психозъ, которымъ Айреландъ всецѣло объясняетъ то, что онъ называетъ неврозомъ или сумасшествиемъ Нерона, тутъ тѣмъ болѣе сомнителенъ, что нравы римскихъ матронъ того времени, особенно Агриппины Младшей, матери Нерона, не позволяютъ достовѣрно сказать, чей темпераментъ былъ Нерономъ унаследованъ.

Слѣдующій же анекдотъ Светонія, приводимый Айреландомъ, не можетъ служить доказательствомъ наслѣдственности психоза Нерона. Домицій Агенобарбъ, его отецъ, въ отвѣтъ на поздравленіе съ рожденiemъ сына, будто бы отвѣчалъ: «Отъ меня и Агриппины можетъ произойти только самое отвратительное и вредное для людей исчадіе». (86 стр.). Развѣ можно психіатру на такомъ бульварномъ анекдотѣ что нибудь основывать?!